

Э. МАЛЭК

«Повесть об астрологе Мустаеддыне» — неизученный памятник переводной литературы XVII в.

(из истории польско-русских литературных связей)

В трех рукописных сборниках БАН и ГПБ находится не изученная еще «Повесть об астрологе Мустаеддыне».¹ Повесть не упоминается даже у А. И. Соболевского.²

Первое описание одного из сборников, содержащих повесть, — Архангельского сборника, с упоминанием и «Повести об астрологе», сделано А. Е. Викторовым в его книге «Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России».³ В XX в. об этом же сборнике писал М. П. Алексеев в своей работе «Англия и англичане в памятниках московской письменности XV—XVII вв.»⁴ на работу М. П. Алексеева ссылается в своем «Словаре» и И. У. Будовниц.⁵

Повесть представляет большой интерес для изучения польско-русских литературных связей XVII в.

Повесть не имеет ни названия, ни указания на автора и начинается со стихотворного эпиграфа:

Всегда предкове наши собранием ходили на волка,
его же так удобно ловили.
Сим же образом вкупе на турка идите,
Христиане, аще жити в мире вы хотите.⁶

Прозаический текст повести начинается со слов: «Лета господня 1596-го», а дальше без всякой видимой связи развивается основной сюжет. Содержание повести сводится к следующему. Турецкий султан и искусный астролог Сулейман оставил своим наследникам завещание, в котором просил их никогда не нападать на польскую землю, ибо это может привести их родину к несчастью: польский народ в союзе с народом «московским» (т. е. русским) может уничтожить турецкое государ-

¹ «Повесть» указана мне Н. С. Демковой, ею же указаны списки БАН, Архангельское собр. № 228 (860) и собр. В. Г. Дружинина № 143 (178); Список ГПБ, собр. Духовной Академии № 302 указан мне М. Д. Каган.

² А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903.

³ А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России СПб., 1890, стр. 45.

⁴ М. П. Алексеев. Англия и англичане в памятниках московской письменности XV—XVII вв. — Уч. зап. ЛГУ, № 95, 1948, стр. 93.

⁵ И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы. М., 1962, стр. 226.

⁶ Здесь и далее текст приводится по списку ГПБ, Дух. Акад. № 302.

ство. Сын Сулеймана Селим выполнял заветы отца и только внук Сулеймана султан Мурат стал сомневаться в правдивости слов своего деда. Он, подстрекаемый везирами и пашами, задумал поход против христиан, в том числе и против Польши, но осуществлению этого намерения помешало выступление Персии. Во время войны с Персией султан Мурат увлекся астрологией и призвал к себе искусного знатока небесных течений Мустаеддына. Султан советовался со своим астрологом по всем важнейшим государственным вопросам. Мустаеддын правильно предсказал гибель первого везира Махмет-паши и разгром турецких войск в Персии. Обеспокоенный судьбами своего государства, султан Мурат просил астролога дать ответ на вопрос, какое будущее ожидает турецкий народ. Мустаеддын ответил: «...никакой народ тебе и государству твоему страшен не будет, и никто победы над тобою не одержит, доколе в мире сохранишь и перемирие содержишь с единым народом в соседстве ... Сей народ от предков своих храбр и славен есть, но ныне зело ленив к войне и несогласен».

Обеспокоенный пророчеством, султан призвал к себе везиров и спрашивал у них совета. Они же посоветовали ему погубить «бесовского пророка» Мустаеддына, чтобы предсказанное им не сбылось. Султан велел убить астролога. Мустаеддын принял смерть спокойно, а последние его слова звучали угрожающе: «Народ же полуношный вскоре вами владствовать учнет».

Таким образом, основная идея повести — это идея славянского единства, в данном случае единства двух славянских государств, — России и Польши, вызванная опасностью надвигающейся войны с мусульманской Турцией.

Было неизвестно, является ли эта повесть переводом или русским оригинальным произведением, где и в связи с какими обстоятельствами она возникла. Настоящая работа — попытка найти более или менее точные ответы на эти вопросы.

Язык повести не носит каких-либо отчетливых следов иноязычного происхождения, однако некоторые факты позволили предположить, что перед нами перевод с польского языка. В тексте повести есть определение «московский народ» для обозначения русского народа, что кажется невозможным для русского автора и весьма характерно для польского языка. Привлекает внимание и следующая фраза: «Велел ему салтан дать вся, яже к тому потребна суть, придав ему и казначея с колико десят тысящами червонных золотых». Турецкий султан, как ни странно, дарит своему астрологу польские деньги. Это не случайная вставка в текст, это несомненно фраза, которую мог написать только поляк, который называет польскую денежную единицу по привычке или потому, что ему неизвестно название турецких денег. «Червенны золоты» — это одна из польских денежных единиц, в XVII в. равна 500 грошам. Название польских червонных золотых очень часто встречается в различных польских документах; это была одна из самых популярных денежных единиц Польши в течение многих веков.⁷

В тексте повести встречаются и явные полонизмы — слово «надходит» в значении «приближается» и некоторое количество буквализмов, например «тот вертоград пред леты красен был», «повеле судно припустити к брегу».

⁷ См.: W Adamczyk. Ceny w Lublinie od XVI do konca XVIII wieku. Lwow, 1935, str. 24—25.

Все эти факты позволяют думать, что оригинал повести был написан на польском языке. Идейное содержание повести также предполагает ее польское происхождение.

«Повесть об астрологе» написана с позиций поляка-патриота, человека, хорошо знающего историю и заботящегося о судьбах своей родины. Автор с гордостью говорит о своем народе, о его достоинствах, о том, что только польский народ может противостоять могучему турецкому царству.

«Тем же повелеваю, — говорит султан Сулейман в своем завещании, — и увещаю, дабы есте никогда на польской народ не наступали и сабли свои не подымали . . . ибо истинно есть: докуль вы тому перемирье нерушимо и веру крепко содержати учнете, то и они вам оное содержат. Но как скоро бы есте на них несправедно и насильством силою своею восхотели наступити, а они бы соединились со веденским королем . . . или с царем московским, тогда истинну глаголю, что абие уже надходит падение государства турецкого».

Автор повести несомненно создавал свое политическое антитурецкое произведение, опираясь на факты реальной действительности. В соответствии с исторической правдой показан султан Сулейман — видный государственный деятель Турции (1520—1566), его первый везир Магмет-паша, сын Сулеймана Селим (1566—1574) и его внук Мурат (1574—1595). В повести говорится о том, что султан Сулейман старался сохранять мир с Польшей и в своем духовном завещании просил всех своих наследников следовать его примеру, и сын Сулеймана полностью выполнил завещание отца. И действительно, султан Селим поддерживал тесную связь с польским королем Сигизмундом II Августом. В своем письме к нему от 29 марта 1569 г. Селим «не только сообщал о намерении осуществить захват Астрахани силами крымских и турецких войск, но и приглашал польского короля одновременно выступить против Москвы. Для переговоров с королем был послан посол Ибрагим».⁸ Не лишена исторической основы и следующая фраза: «сие Сулейман, дед его учинил жены своя ради (яже бе от рода российскаго дщерь священника из Рогатына)». Вот что о жене Сулеймана пишет один из историков XX в. — А. Крымский: «По национальному своему происхождению Роксолана, или Хоррем-Султане была пленная малорусская поповна из галицкого верхне-днестровского Подолья, именно из городка Рогатына, и, кажется, в крещении называлась Александр».⁹ Таким образом, автор «Повести об астрологе Мустаеддыне» использовал в своем сочинении только достоверные, проверенные исторические сведения.

По своему характеру «Повесть об астрологе Мустаеддыне» принадлежит к числу очень популярных в европейской литературе XV—XVII вв. так называемых «турциков».

Антитурецкая тема в европейской литературе восходит, по мнению И. Н. Голенищева-Кутузова,¹⁰ к французскому Филиппу-де-Мезьеру (конец XIV—нач. XV в.). Тема эта очень много места занимала в литературе Далмации, Чехии, Венгрии. Писатели Далмации Шижгорич и Маргулич приобрели репутацию первых герольдов антитурецкой коалиции. Впо-

⁸ В. Д. Королюк. Ливонская война. М., 1960, стр. 69.

⁹ А. Крымский. История Турции и ее литературы, т. 2, М., 1910, стр. 23 (Труды по востоковедению, вып. XXIX, № 1).

¹⁰ И. Н. Голенищев-Кутузов. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVII вв. М., 1963, стр. 57—58, 109, 124, 190, 308, 318—320.

следствии эту репутацию приобрели историки и мемуаристы Польши. В польской литературе XV—XVI вв. появляется огромное количество произведений, призывающих к активной борьбе с турецкой угрозой, к созданию антитурецкой коалиции. Этой теме посвящали свои произведения Станислав Ожеховский (1513—1566), который написал цикл антитурецких памфлетов на латинском языке, призывающих европейских монархов к совместной борьбе с магометанской Турцией, известный польский хронист и автор книги «О вольности короны польской и Великого княжества Литовского и о тяжелой неволе других королевств под турецким ярмом, о мятеже нынешнего турецкого тирана Амурата и всех королей оттоманского дома краткое, но полезное рассуждение» — Стрыйковский.

«Хроника» Стрыйковского также с особым вниманием относится к истории борьбы славянских народов, в том числе Польши и России, с турецко-крымской угрозой. Еще более известным сторонником войны с Турцией был Кржиштоф Варшевицкий. Варшевицкий является автором 14 известных речей против турок. Это произведения чисто публицистического характера. Первые три речи были написаны и опубликованы в Праге в 1589 г. под названием «Turcicae tres». В 1589 г., в связи с получением известия о том, что турки замышляют поход в Европу и что папа Климент XII и император Рудольф II пытаются втянуть Сигизмунда III в антитурецкую коалицию, Варшевицкий решил заняться пропагандой этой близкой ему идеи. С этой целью он написал 11 «турецких речей» и напечатал их в Кракове в 1595 г., присоединив к ним «Turcicae tres». Однако поскольку сейм, на котором должна была идти речь о будущей коалиции, был созван только на 26 марта 1596 г., Варшевицкий на время задержал распространение своей книги. Он стал распространять ее несколько позже среди послов, приехавших в Варшаву на сейм, и тем самым пытался воздействовать на их политические убеждения.

Во время сейма 1596 г. делались всевозможные попытки вовлечь Польшу в коалицию европейских государств, выступающих против магометанской Турции. Это была трудная задача, так как Сигизмунд старался поддерживать мирные отношения с Турцией. Однако среди польской шляхты было много сторонников борьбы с турками. Не случайно в 1596 г. в Кракове в типографии Лазажова издаются произведения:¹¹ В. M a n d i n a. Oratio de foedere contra Turcam im comititiis Varsowaie; С. M a l a s p i n a. Oratio de foedere contra Turcam (речь, произнесенная на варшавском сейме 1596 г.); «Вотум шляхтича польского об основании казны Речи Посполитой и защите русских земель»; «О совместной борьбе христианских государей против турок» и многие другие.

Все эти произведения объединены главной идеей, все они поддерживают сторонников антитурецкой коалиции европейских государств.

Указание на 1596 г. мы находим и в тексте «Повести об астрологе Мустаеддыне». Все известные нам списки в начале прозаического текста сразу после стихотворного эпиграфа содержат, как уже отмечалось выше, фразу «Лета господня 1596-го». Были основания предположить, что это и есть дата написания произведения. О том, что «Повесть об астрологе Мустаеддыне» не могла быть написана раньше 1595 г. и позже 1603 г., свидетельствуют следующие строки произведения, в которых говорится о султани Махомете («Сулиман, салтан турской, прадед нынешнему Магмету салтану»), как о современнике автора. Махмет (Мехмед III) взошел

¹¹ См.: Biblioteka kornicka. Katalog biblioteki kornickiej, t. 1, Kraków, 1929.

на престол только в конце 1595 г. и правил турецкой империей до 1603 г.¹²

В библиографии польской литературы, составленной Эстрейхером,¹³ под годом 1596 упоминается произведение Дамианеуса Кржиштофа «Liga z zawadą Koła Poselskiego». Эпиграфом к этому произведению служит известное нам четверостишие:

Gromadą zawsze przodkowie chodzili
 Naszy na wilka, y tak go łowili.
 Tym że sposobem na Turka społecznie
 Idźcie, chcecie li w pokoju żyć wiecznie.

Один из экземпляров произведения хранится в Курцицкой библиотеке под шифром E.XV.29.W.2992. Сім.Qu.2560, второй экземпляр в Национальной библиотеке в Варшаве — под шифром XVI.Qu.1414.

Ознакомившись с указанным Эстрейхером произведением, мы убедились, что произведение Дамианеуса Кржиштофа, а вернее фрагмент этого произведения, является «Повестью об астрологе Мустаеддыне». В оригинале произведение озаглавлено следующим образом: «Liga z zawadą Koła Poselskiego». В предисловии автор называет дату его создания — 1 января 1596 г.

Это произведение публицистического характера, посвящается оно литовскому канцлеру Льву Сапеге и послам на сейм. «Liga z zawadą Koła Poselskiego» является своеобразным образцом публицистического жанра. Автор реализует свою пропагандистскую, публицистическую задачу, умело сочетая нравоучительные притчи и непосредственные публицистические призывы. Главная цель произведения состоит в том, чтобы убедить послов на сейм в необходимости возобновления хороших отношений с московским государством и в необходимости создания антитурецкой коалиции.

Об авторе «Лиги послов» не упоминается ни в одной работе польских литературоведов, посвященной изучению литературы XVI в. Ничего об этом человеке не говорится и в работе Станислава Тарновского «Политические писатели XVI в.»,¹⁴ ни в новейшей библиографии польской литературы.¹⁵ Буквально одну фразу о Дамианеусе и его произведении мы находим в работе польского востоковеда Барановского.¹⁶ Барановский анализирует уровень знаний поляков XVI в. о Турции и турках и называет ряд авторов, которые посвящали свои произведения турецкой теме. Среди них он выделяет Дамианеуса Кржиштофа как одного из самых осведомленных в данном вопросе.

Возможно, Дамианеус Кржиштоф является автором одного лишь выше-названного произведения (других произведений, связанных с его именем, найти не удалось). Однако фраза «О чем, даст бог, пространнее и о иных вещех в латинском письме воспомяно будет», наличествующая в тексте «Повести об астрологе», позволяет думать, что «Повесть об астрологе» — не единственное произведение Дамианеуса Кржиштофа.

Судя по тем немногим данным, которые мы находим в произведении Дамианеуса Кржиштофа, мы можем сказать, что это был польский шляхтич, хорошо владеющий латинским языком, человек, хорошо знающий

¹² См.: А. Д. Новичев. История Турции. I. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.), Л., 1963, стр. 292.

¹³ K. E streicher. Bibliografia polska, cz. III, t. IV, Kraków, 1897, str. 282.

¹⁴ S. T arnowski. Pisarze polityczni XVI wieku. Kraków, 1886.

¹⁵ Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut. (tom 1—3). Pismnictwo staropolskie, Warszawa, PIM, 1963—1965.

¹⁶ B. B aranowski. Znajomość wschodu w dawnej Polsce de XVIII w., Łódź, 1950, str., 40.

историю своей страны и других государств, человек, которому дороги судьбы его родины. Автор с гордостью говорит о мужестве своих предков, скорбит о нынешнем состоянии польского государства и пытается указать пути спасения Речи Посполитой.

Дамианеус Кржиштоф в течение нескольких лет находился в турецком плену и, как сам об этом заявляет в предисловии, хорошо изучил жизнь этого народа. В его произведении мы находим пересказы притч «О цесаре и хороших советах его слуг», «О дервишах» и, наконец, «Предсказание о падении турецкой империи» (т. е. «Повесть об астрологе Мустаеддыне»). Все вышеназванные притчи являются, по всей вероятности, пересказом турецких произведений или легенд.

Интересен и тот факт, что польский текст не обрывается на рассказе о гибели астролога. Автор, рассказав историю об астрологе, дает собственный комментарий этому рассказу, говоря, что именно причины, изложенные в нем, удерживают и останавливают турок от войны с Польшей. Заканчивает свое произведение Дамианеус Кржиштоф пожеланием, чтобы Польша и соседние народы не упустили хорошего случая и вступили в Лигу христианских государей. Самым лучшим способом укрепления польского государства представляется автору возобновление хороших, дружеских отношений с московским государством. Такой союз, по его мнению, был бы выгоден и Польше, и России.

Из многих притч Кржиштофа русский переводчик выбирает именно рассказ об астрологе. Выводов из рассказа он не делает. Они настолько ясны, что лишние комментарии могли бы нарушить художественную цельность рассказа. Идея единства христиан подчеркивается умело подобранным эпиграфом:

Христиане вкупе на турка идите,
Аще вы жити мирно хотите.

(по Друж. сп.)

Поэтому переводчик и обрывает повествование на том месте, где говорится о гибели астролога.

Таким образом, рассказ об астрологе, вынутый из большого произведения Дамианеуса Кржиштофа, обретает самостоятельную жизнь и с этого момента будет продолжать свое существование в русской литературе, постепенно теряя связь со своим иноязычным оригиналом.

Анализ разночтений трех известных списков «Повести об астрологе» позволяет утверждать, что все три списка восходят к одному переводу. При этом списки Арх. и Дух. Ак. (оба XVII в.) очень близки первоначальному тексту перевода, список Друж. (XVIII в.) носит следы переделки.

Для первоначального перевода повести характерна явная зависимость от польского оригинала, которая сохраняется и в списках Дух. Ак. и Арх. С. Зависимость от иноязычного оригинала выражается прежде всего в наличии буквализмов в тексте перевода. Эти буквализмы устраняются в Дружининском списке. Приведем примеры:

Польский текст	Списки Арх. С. и Дух. Ак.	Друж. список
...był to ogród przed łąką piękną...	... тот вертоград пред лесты красен был...	... тот вертоград из- стари красен был...
...kazał przypiścić bat ku brzegu...	...повеле судно припу- стити к берегу...	...повеле судном при- стать у онога берега...
...z jednego pięknego ogroda, który jest ku Czarnemu Morzu w Azjei.	...из единого добро- зрачного вертограда, кото- рый есть к Черному морю во Азии...	...из единого некоего вертограда доброзрачного, иже обретается при Понти...

Переводчик часто в поисках нужного слова дает два возможных варианта перевода. В большинстве случаев эти удвоенные переводы сохранились и в Арх. списке и в списке Дух. Ак., иногда же — только в одном из них. Так, слово «zakłół» он переводит «убив его заколол», а словосочетание «astrolog Mystaeddyn przezwanu» — «астролог Мустаеддын прозвищем нарицаемый».

Переписчики XVII в. в названных случаях не вносят в текст никаких изменений, но в других случаях отдают предпочтение одному из вариантов.

Так, например, переписчик Арх. С. один из возможных вариантов перевода слова «testament» — «духовная» — вносит в текст, а другой вариант — «завет» — пишет на поле. В другом случае он машинально переписывает сочетание «владети учнет будет» и, немного подумав, одну из этих форм («учнет») берет в скобки. Переписчик Дух. Ак. в этих случаях идет дальше. Он выбирает варианты «духовная» и «учнет», оставляя в стороне другие формы.

Однако в целом список Дух. Ак. ближе к тексту первоначального перевода, чем список Арх. С. Это связано с тем, что переписчик Арх. С., получив недостаточно обработанный текст перевода, пытается придать этому тексту более литературный характер. Так, например, он бессюзные предложения заменяет союзными:

Польский текст	Список Дух. Ак.	Список Арх. С.
Ma to každy wiedzieć a prawdziwa jest powieść moja.	Всяк ведати имать сие, истинна есть повесть моя.	Всяк ведати да имать, яко истинна есть повесть моя.

Но стилистическая правка не завершается переписчиком до конца. В тексте все равно остаются следы его протографа, т. е. первоначального перевода.

Дружининский список явно восходит к рукописной традиции Арх. С. Все те редакторские исправления, которые внес переписчик Арх. С., наличествуют и в Дружининском списке. Переписчик Др. сборника вносит в текст повествования слова, находящиеся на полях Архангельского сборника, например «люто убил» (в Арх. «убил» — на полях «люто»).

Внося в текст слово «завет», соединяет его со словом «духовная», и в результате получается ошибочное чтение «духовный завет».

Для Дружининского списка характерно довольно свободное обращение с текстом протографа. Здесь мы обнаруживаем пропуск, а наряду с этим есть случаи привнесения в текст новых слов с целью пояснения повествования.

В Дружининском списке усиливается процесс стилистической обработки текста, начатый еще в Арх. списке. Эпиграф переделывается в хорошо звучащие syllabические стихи с женской рифмой, повествование разбивается диалогом:

Списки Арх. С. и Дух. Ак.	Друж. список
...перемирье содержишь со единым народом в соседстве, отуду, от полунощи, иде же восходит колесница небесная.	...и перемирье сохранишь со единым народом в соседстве. Глагола салтан: «Откуду?». Отвеща астролог- «От полунощи, иде же восходит колесница небесная».

Во многих случаях кальки с польского заменяются новыми словосочетаниями:

Арх. С.	Друж. список
... пред леты красен...	... изстари красен...
... повеле судно припустит к берегу...	... повеле судном пристати у оног брега...

Однако во многих случаях стилистическая правка превращается в правку смысловую, которая в свою очередь ведет к изменению текста или затемняет его понимание. Приведем примеры:

Список Арх. С.

Первоначальный твой неволник
лютою смертию згинет.

Друж. список

Первоначальный твой от неволь-
ника лютою смертию згинет.

Следует отметить, что встречаются чтения, общие для всех трех списков и в свою очередь отсутствующие в польском оригинале повести. Сюда относятся все те места, в которых видна идейная обработка текста. Обработка эта начинается уже с первых строк эпиграфа, который в польском тексте звучит «spolecznie na turka idzcie», а в русских списках — «вкупе на турка идите, христиане».

Фразу «zadnego sie barzej nie boja jako narodu polskiego» все три списка передают следующим образом: «ниже коего zelнее бояться, якоже московского народа и польского», а фразу: «skąd mu ło przychodziło, że łoż nigdy nie nacierał na Polskę» передают так: «откуда ему сие приходило, что польский народ некогда с московским полуношным совокупитися имать, и того ради на Польшу не наступал».

Из вышесказанного следует, что идейная обработка текста была проделана на более ранней ступени существования повести, она наличествовала уже в первоначальном тексте перевода, она являлась очень существенной для читателей и переписчиков как в конце XVII, так и в XVIII в. В результате, фразы, говорящие о союзе польского и русского народов, претерпевают меньше изменений. Забегая вперед, отметим, что во второй половине XVIII в., а коопкретно с 1789 г., начинается новый этап в жизни «Повести об астрологе Мустаеддыне», меняется идейная сторона повести и ее место в литературе.

Когда «Повесть об астрологе Мустаеддыне» попала в Россию? Когда и в связи с какими обстоятельствами была переведена?

Турецкая тема в русской литературе возникает намного раньше XVII в. Вспомним хотя бы произведения Пересветова «Сказание о царе Константине» и «Сказание о Магмете-салтане». Но предположить возникновение перевода «Повести об астрологе» в конце XVI или в первой половине XVII в. невозможно. Противоречит этому ход исторических событий. Появлению перевода повести, говорящей о совместной борьбе польского и русского народов с Турцией, мог способствовать тот повышенный интерес к турецкому вопросу, какой мы наблюдаем во второй половине XVII в. «С середины 70-х годов XVII в. борьба с Турцией стала главным направлением внешней политики России того времени», — так характеризует этот период М. А. Алпатов в своей работе «Что знал Посольский приказ о Западной Европе».¹⁷

К 70-м годам относится оживление польско-русских отношений, начинается обмен посольствами, ведутся переговоры между правительствами. Вспомним, что в 1672 г. Россия была втянута в войну с Турцией. В 1683 г. польский король Ян Собеский разбил турок у стен Вены, а в 1684 г. была создана Священная лига для борьбы с мусульманской Турцией. В 1686 г. в Священную лигу вступает и Россия. Все эти события не могли не отразиться и в литературе. И действительно, литературе того времени присущи острая публицистичность, злободневность, возникшие под непосредственным впечатлением от пережитого. Ярким примером

¹⁷ М. А. Алпатов. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. — В кн.: История и историки. М., 1966, стр. 113.

такой именно литературы может послужить появившийся во второй половине XVII в. цикл легендарных грамот турецкого султана Магмета европейским государям. Исследователь М. Д. Каган¹⁸ считает, что автора грамот волновал вопрос об антитурецкой коалиции, в которую следовало привлечь заинтересованные в обороне против турок христианские государства Европы. Почти во всех посланиях султан говорит о разрыве мира с ним и заключении союза с «иными государями», его противниками. При этом особенно часто подчеркивается участие в союзе Московского государства.

В конце XVII в. появилось в России большое количество переводных произведений на турецкую тему, которые, по-видимому, отвечали потребностям читательской среды.

А. И. Соболевский¹⁹ называет (кроме упомянутых выше грамот) еще много других произведений на турецкую тему. Огромной популярностью пользовалась «Хроника» Стрыйковского. Одну из причин столь большого интереса к труду польского историка А. И. Рогов видит в том, что в «Хронике» очень много места отведено вопросам борьбы славянских стран, в том числе Польши и России, с турецко-крымской угрозой.

«Не случайно в 1672 г. во время переговоров с польскими послами о совместной борьбе России и Польши против Турции московские бояре ссылались именно на „Хронику“ Стрыйковского».

«Султан не начнет войну, — говорили они, — как прежде султан Баязет, узнав о союзе христианских государств, тотчас просит о перемирии к польскому королю Яну Альбрехту, как рассказывает хроника Стрыйковского».²⁰

Известно также и то, что в Посольском приказе интересовались текущими польскими делами. Делались переводы официальных материалов, таких как манифесты королей, привилегии и т. п. «Особое внимание Посольского приказа было привлечено к польско-турецким отношениям. . . Именно в связи с этим следует рассматривать „перевод с польской книги, содержащей в себе польского коронного гетмана Станислава Яблоновского против турок и татар“, сделанный в 1688 г. (ЦГАДА, ф. 79, 1662 г., № 32), а также переводы грамот, относящихся к польско-турецким делам в 1643 г. (ЦГАДА, ф. 72, 1688, № 232), договор между Польшей и турками 1675 г. (там же, 1675 г., № 177)»²¹ (все вышеназванные грамоты тоже не изучены).

Таким образом, «Повесть об астрологе Мустаеддыне» — это одно из ряда произведений, в которых подчеркивается необходимость соединения Польши с «московским народом» для совместной борьбы против турок.

Повесть не могла не привлечь внимания переводчика тем более, что в конце XVII в. содержание повести, говорящей о том, что Турция погибнет от руки польского народа, конкретизировалось: в 1683 г. польский король Ян Собеский (как отмечалось выше) разгромил турецкие войска у стен Вены, а польская армия приобрела репутацию защитницы христианской веры. Интересно, что в сборнике Арх. С. наряду с «Повестью об астрологе» находится «Описание Голландии и некоторых других мест», вторая часть которого «О лутчих городех венгерских» содержит очень

¹⁸ М. Д. Каган. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. — ТОДРА, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 203—225

¹⁹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.

²⁰ А. И. Рогов. Русско-польские связи эпохи Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966, стр. 268.

²¹ Там же, стр. 259.

интересный рассказ об освобождении Буды в 1686 г. Автор «описания» заявляет: «и естли бы препона войск польских толикому множеству не-исчетных воинов татарских не учинена была, никогда Будин в руки немцов и венгров не пришел. Паче же бы той неволи турской, которую Будин 160 лет терпел, не должно дождалась и Вена, естли б наяснейший Ян третий, король польский с охотчими войсками своими, дивною скоростию собранными, в помочь Вене уже в лете 1683 умирающе не прибежал».

Наличие прямого указания на заслуги Яна III перед христианством подтверждает предположение о том, что «Повесть об астрологе» воспринималась на фоне исторических событий, связанных с победой Яна Собеского под Веной.

«Повесть» была близка русскому переводчику и в жанровом отношении. Она примыкает к ряду оригинальных произведений русской письменности XV—XVII вв. «Повесть об астрологе» перекликается с таким известным произведением древнерусской литературы, как «Повесть о двух посольствах», заключающим в себе пророчество императора Максимилиана. В пророчестве Максимилиана говорится именно о том времени, которое наступит после десятилетнего «смятения» и «трясения» Русской земли. Элемент пророчества, предугадания, наличествующий в «Повести об астрологе», был, как нам кажется, другим фактором, способствующим появлению перевода повести.

XVII век известен тем, что внимание к астрологии было всеобщим явлением. И это предположение может быть подтверждено окружением повести в сборниках.

В сборнике Арх. С. наряду с «Повестью об астрологе» находится «Календарь течений небесных на лето господне 1689» — перевод с польского языка выполнен переводчиком Посольского приказа Семеном Лаврецким. На л. 23 этого календаря читаем: «Понеже турчин собачьим обычаем одержал государства лежащие под бараном и быком, небо грозит ему голодом, войною, поветрием . . ., убиение салтана их обещает», и на л. 24:

Лев желтый в черном поле ожидает собаки.
Лев желтый в черном поле — Австрия
Собака — турской.

Календарь, как видим, содержит политическое пророчество, а политические пророчества, как правило, писались *post factum*. Фраза «Лев желтый в черном поле ожидает собаки» могла восприниматься как отголосок недавнего сражения Турции и Австрии у стен Вены.

В Дружининском сборнике наряду с «Повестью об астрологе» находится «Толк литер переведен на славенский». Это — не что иное как «Пророчество, найденное на камне гроба императора Константина Великого». Следовательно, «Повесть об астрологе» дается в системе подобных по жанру и тематике произведений.

Несомненно, именно острая злободневность темы и особая форма ее передачи в виде политического пророчества, имевшая параллели в русской литературе, способствовали появлению перевода «Повести об астрологе». Подводя итоги, можно сказать, что перевод повести был сделан скорее всего в конце 70-х годов XVII столетия в связи с улучшением польско-русских отношений, в связи с угрозой турецкой агрессии.

Неясен еще вопрос о том, кто является переводчиком «Повести об астрологе». Более или менее известен круг читателей повести. На первом листе Архангельского сборника сохранилась очень любопытная запись,

говорящая о том, что «по указу преосвященного Афанасия, архиепископа Колмогорского и Важеского, сия книга списана у Андрея Артемонова сына Матвеева его архиерейским келейным иждивением».

На основании этих данных и старательного изучения описи библиотеки А. А. Матвеева²² мы можем сказать, что А. А. Матвеев действительно имел произведения, входящие в состав Архангельского сборника в своей библиотеке, а следовательно, Афанасий Холмогорский мог делать копии этих книг. Третий, неизвестный владелец, читатель «Повести об астрологе», был несомненно человеком, хорошо владеющим латинским языком; в сборнике Дух. Ак., который находился в его распоряжении, он делал пометы на латинском языке.

Кто же все-таки является переводчиком «Повести об астрологе»? Тут мы только можем гадать. Возможно, это был человек, так или иначе связанный с Посольским приказом. Одно не подлежит сомнению: это был человек, хорошо владеющий не только польским, но и латинским языком (в оригинале «Повести об астрологе» встречается некоторое количество латинских фраз и оборотов, которые он переводит безупречно), человек, заинтересованный в укреплении польско-русских отношений.

Интересно проследить дальнейшую литературную судьбу «Повести об астрологе», которая, попав в русскую литературу, постепенно теряла связь с польским оригиналом. Известно, что турецкая тема была актуальна и в XVIII, и в XIX, и даже в XX в.

В XVIII в. при Екатерине II, «которая вместе с Потемкиным мечтала о восстановлении греческой империи и внука своего пророчески окрестила Константином»,²³ Россия вела две войны с Турцией, обе с большим успехом (первая 1769—1774 гг., вторая 1787—1791 гг.). Интересно, что Дружининский список «Повести об астрологе» датируется именно концом 60-х—началом 70-х годов XVIII столетия (т. е. временем первой войны). В связи с новой войной 1787—1791 гг. появляется и первое печатное издание «Повести об астрологе» под заглавием «Предсказание о падении турецкого царства аравийским звездословом Муста-Эддыном»²⁴ (во граде св. Петра, 1789 г.), без указания на автора. «Повесть об астрологе» и на этот раз используется как публицистическое произведение, но редакторы начисто вычеркивают те слова, которые свидетельствовали о польском происхождении повести (польского государства ведь почти не существовало). Они убирают стихотворный эпиграф, призывающий к сплочению всех христиан, и фразу «Лета господня 1596-го», все фразы, говорящие о польском народе и о союзе московского и польского народов, убирают или заменяют похвальными фразами в честь великой русской державы.

В результате первой турецкой войны (1769—1774) Турция перестала быть сильным врагом для России. Черное море было открыто для русского флота. Вскоре Крым окончательно присоединился к России. Не удивляет тогда факт, что в печатном варианте повести появляются слова: «Сей непобедимый народ» или «Сей народ храбр искони бе и от него падет держава наследия твоего; слава бо его простеритися иметь во все концы земныя и никто не может противостати ему, зане угодно тако небеси и Всевышнему» — для характеристики русского народа, что в уста турецких сановников вкладывается предсказание о том, что «царство сне (т. е. турецкое) нерушимо пребудет до 1791 лета, в кое падению его

²² См.: Летописи русской литературы и древности, вып. V. СПб., 1863, стр. 57—79.

²³ А. Крымский. История Турции и ее литературы, стр. 82.

²⁴ Сводный каталог русской книги XVIII в. М., 1964.

быти разумели», хотя в польском тексте и в списках XVII в. в аналогичных местах называется год 1591.

Но мир с Турцией после победоносных войн Екатерины II не был вечным. В начале XIX в. русско-турецкие отношения заметно ухудшаются, и 18 декабря 1827 г. Султан Махмуд II объявил России «священную войну». 14 апреля 1828 г. Россия в свою очередь объявила войну Турции, 150-тысячная армия перешла Прут.²⁵ И, как можно было ожидать, в связи с новой войной появляются новые издания «Повести об астрологе». Достаточно сказать, что только в 1828 г. «Повесть об астрологе» издавалась по меньшей мере 3 раза:

1) в составе сборника «Собрание любопытных предсказаний о упадке Турецкой империи», вышедшего из типографии Степанова;

2) в составе сборника «Собрание предсказаний о падении Турецкой империи», напечатанного в московской типографии Семена;

3) отдельным изданием в типографии Театральной под заглавием «Предсказание о падении Турецкого царства арабийским звездословом Муста-Эддыном».

Новая волна интереса к предсказаниям о падении турецкой империи начинается при Александре II во время войны за освобождение южных славян (1877—1878). В печати того времени появляется очень много статей, говорящих об исторической роли русского народа, о необходимости занятия Константинополя. В 1877 г. в типографии Рапопорта и Фельдмана появляется сочинение некоего Рукина под выразительным заглавием: «Мани, факел, фарес. Пророчества о падении турецкой империи». Рукин включает в свою книжку все известные пророчества о падении турецкой империи, не забывая, конечно, и о «Повести об астрологе».

Но самой интересной и неожиданной является опубликованная в рождественском номере «Лукоморья» за 1914 г. статья В. Финити «О св. Софии». Статья начинается со стихотворения:

Сказал таинственный астролог:
Узнай, султан, свой вещий рок, —
Не вечен будет и не долог
Здесь мусульманской власти срок.

Придет от севра вонтель
С священным имснем Христа —
Покрыть Софийскую обитель
Изображением креста

Дальше автор статьи говорит о том, что взятие султаном Магометом II в 1453 г. Константинополя уже четыре с половиной века волнует Европу, и дает пересказ некоторых пророчеств о падении турецкого государства. В ряду этих пророчеств он упоминает и предсказание арабийского звездослова Муста-Эддына. Конец статьи очень знаменателен: «Таковы легенды. И нельзя сказать, чтобы они и в настоящее время не играли на струнах души народной, в которой всегда жила надежда на исполнение этого рода пророчеств, сущность которых определяется словами: Крест на Святую Софию!».

Как мы могли убедиться, «Повесть об астрологе Мустаеддыне» была неизменным спутником всех русско-турецких конфликтов, всех столкновений русского и турецкого оружия. И хотя начиная со второй половины XVIII в. она попала в число второстепенной литературной продукции (кстати, в XVIII в. многие памятники древнерусской письмен-

²⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия, т. IV. М., 1968, стр. 489—490.

ности пополняют арсенал демократической литературы того времени), но все же ее публицистичность, ее пропагандистское начало в течение многих десятилетий не теряли своей силы.

Для литературоведа «Повесть об астрологе» ценна не только как еще один документ польско-русских литературных связей XVII в.; для истории литературы интересна и последующая фаза ее существования в русской письменности, вплоть до XX в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

л. 184 || Всегда предкове наши собранием ходили на волка, его же так удобно ловили.

Сим же образом вкупе на турка идите, христиане, аще жити в мире вы хотите. Лета господня 1596-го.

Всяк ведати имать сие: истинна есть повесть моя, зане лутче вем и совершеннее, неже соравенники мои, яко турки по вся времена владения своего победительми выну суще над всеми, ей, народы бывают, но никоего же к себе множае народа не почитают, ниже на каков озираются, ниже коего зеленее боятся, яко московскаго и польскаго народу. Аще ли кто ведати желает, откуда ми сие вестно есть, тогда вократце сие объявлю.

Сулиман, салтан турской, прадед нынешнему^а Магмету-салтану, человек мудр, праведен, воздержателен, милостив зело, не точию турские, но и христианские убогие дома милостынями удоволствуя, и искусен сущ и в художестве небесных течений, и из них же усматривая узнал, яко государство и монархия турская ни от коего народу, токмо от польского изгублено буде, откуда ему сие приходило, что польской народ некогда с московским полуношным народом случитися имать. Того ради некогда на Польшу не наступал, хотя и иным турком и пашом удобней-

л. 184 об. шее время к разорению и скорейшему || овладению показалось, будучи так блиско, понеже городов и крепостей не имеет, и приступление абие готовое турком и татаром само по себе является. Так рассуждая, иных народов, яко уже прежде рекох, в мале почитал, брань с ними творя и оных попирая, народ же польской и московской всегда между иными народы чтил, почитал, любил, страшился их, перемирья с ними постоянно содерживал. И сверх сего, егда въехал в венгерскую землю, где потом Сыгерт-град взял, тогда, духовную написав, отдал ю овому славному своему везиру Махмет-паше, единому от князей словенских наследнику, иде же сие написано бысть: «Вем, яко из тоя войны не возвращуся, обаче в бозе имам надежду и в пророке Махмете, что тамо всеу не поеду. Тем же и сын мой Селим, иже по мне владети учнет, и наследники его ведати о сем имеют, что бог, сие небо и звезды его изъявляют, яко некоторой народ никогда вредити не может сему государству, кроме самого народу польского. Тем же повелеваю и увещаваю, дабы есте никогда на польской народ не наступали и сабли свои не подымали.

л. 185 Вельми паче о сем радение чините, как бы их к тому привести, что || бы со иными корольми и князьми христианскими не соединились, ибо истинно есть: докуль вы тому перемирье нерушимо и веру крепко содержати учнете, то и они вам оно содержат. Но как скоро бы есте на них неправедно и насильством силою своею восхотели наступити, а они бы соединилися со веденским королем (так убо цесаря христиан-

^а Испр.; в ркп. дефект.

ского называют турки) или с царем московским, тогда истиину глаголю, что абие уже надходит падение государства турского, то есть отоманского. Заклинаю тогда сына своего и везиров его, и всех наследников отоманских, дабы никогда с саблями своими против народу польского возноситься не дерзали, аще восхотят, чтоб то государство нерушимо долго пребывало». Сей тогда есть разум духовного письма салтан Сулеймана, салтана турского, которое и по се время соблюдают в казне константинопольской, еже салтан Селим, сын Сулейманов, даже до смерти своея постоянно хранил, содержа нерушимо перемирье с народом польским. Последи же салтан Мурат, учал сомневатися о том духовном письме скрывая, яко сие Сулейман, дед его, учинил жены || своея ради (яже бе от рода российскийскаго дщерь священника из Рогатына). И как скоро седе на государство, помыслил воздвигнути войну на христиан. И иные все везиры и паши советовали ему, чтобы прежде на Польшу войну начал. И сказали оному вси имянно чауши, которые часто в Польше бывали, что все государство польское в един год овладеет, толко забавит Камень и Львов, а по сем и обо всем христианстве покуситися и овладети может.

Махмет-паша понеже в то время еще жив был, которому Сулейман-салтан отдал духовную свою к сохранению, имея первой чин или везирство у деда и у сына, и у него тогда велел из казны оное духовное письмо принести, деда его салтана Сулеймана, и, прочетши оное пространными словы, сие к разсуждению приводил, дабы мимо, пуцая Польшу, шел со всею силою в⁶ венгерскую и немецкие земли. Но между сим господь-бог устроил иную жертву, возбудил персидского шаха и некоторых аравитцких князей, на которых оную силу против христиан изготовленную на арапы и персиды обратити принужден. В то же время, будучи он в частых болезнях и не могучи сам на войну ехать, || возлюбил отчасти астрологию, и призва себе от Египта, из Александрии, из Дамаска и из иных государств наученых звездословцев, иже его учашу художества того, чтоще ему о том часто кратко. Услышав же о сем, един астролог, Мустаеддын прозвищем нарицаемый, человек зело учен и искусен в том художестве, поехал с купцы перскими в Константинополь, и наняв себе избу в Скугаре-граде, иже древле наречен быше Халкидом, положением сопровтив Константинополя над самым морем, иде же поживе неколико недель. О нем же, егда салтан турской Мурат ведомость восприят, повеле его призвати к себе и вопросы его, аще лутче научен есть в художестве.

«Болии аз есмь мастер, нежели твои астрологи, однако же, еже умею покажу, и они по тому же что умеют да покажут. Ты же, аки премудрый государь, удобно, что бело и что черно, разсудити можешь».

Вопроша же его салтан Мурат: «Мустаеддын, можешь ли ми впредь-будущая сказати или ни?». Отвещал: «Аще ли то бог дал лекарю, яко художеством своим познавает по лицу человека смертнаго, вельми множае дал бог тем, иже о небесных спрашиваются вещей и во оных ся обучивают. Господь-бог да сотворяет салтану, государю моему, изо всякого дня тысящу дней по долгое житие. Божию помощию можно ми есть сим учением небесным || сказати будущая, точию бы когда бых имел какое место и особливою вертоград на высококом месте со орудии звездочетными». Велел ему салтан дать вся, яже к тому потребна суть, придав ему и казначея с колико десят тысящами червонных золотых. Он же, переехав чрез море на ту сторону, усмотрел себе изрядное место

⁶ Испр.; в ркп. отсутствует.

и вертоград за Галатою, от которого места, не токмо Константинополь и корабли к пристанищу приходящие, но и карабли и катарги и пушечной наряд далече на море сквозь Константинополь видети могл, яко же тот вертоград пред леты красен был належащъ единому италиянину из Венеции некоему утаенному, иже из Венеции ушел бе и обусорманися, но по смерти его обрушились были каменные стены. Тогда тамо послано несколько сот людей адямалган^о их же имут за десятину от христиан¹ бедных и плачевных, которые оное место оградивше каменною стеною, изрядных древес насадиша и различных трав насеяша также и кладезь устрояху зело прекрасный. В посреди же того вертограда повеле астролог тот каменный столп поставить вышиною яко две копии.^а А половина того столпа была зделана из древа зело стройно в верху каменного тако, что

а. 187 кругом обращался || движением единого токмо самого онаго Мустаеддына-астролога, который днем и нощию смотрел на небо через трубу медную, яже зделана была чрез деревяной столп и прозор имела от низу к верху. Велел також де себе зело великих медных круглых колес в 12 сажен зделать. Их же по сем сице спаяно, что вместо складывались на образ глобуса, на коих разные арапского и персидского писем слова и небесные знаки были. Понеже тогда от салтанова двора и из полат его видим был столп тот новоустроенной, вшел салтан по обычаю в лодку с своими комнатными и переехал через море. Всяде на конь, и, приехав в вертоград, обрете астролога, смотрящаго на небо и пишуща некакие черты. Вопросы его посем: «Скажи ми, не видел ли еси какие именитые мимошедшие притчи?». Он же рече к нему: «Господь-бог тебе ото всякого дня единого тысящу дней салтану, государю моему, да сотворит. Несть ничтоже зла тебе, все доброе и благополучное видех». Рече паки салтан: «Но что же видел еси, повеждь ми, да увем учение твое и искусство».

Он же ему: «Буди долговечен салтан, государь мой великой и знатной: первоначальнейший неволник твой лютою смертию згинет». Вопросы а. 187 об. его салтан: «Аще в Константинополи или || во Египте, или во ином коем государстве?» Отвеща яко: «иже под боком пребывает и тот, сядяще на суде, зле погибнет».

Ждал же того дни салтан, размышляя в себе, которой везир умрет, и есть ли то збудется, что астролог говорил. И между сим абие учинена ведомость, что ныне един дели или казак бедной убил Магмет-пашу, первоначальнейшаго везыра. Велел его салтан к себе привести и вопрошити, почто он везыра убил. Он же отвеща: «Для того убих его, что мою убогую заслугу у меня взяв, иному отдал, и аз сотворився безумным и долго его стерег да же, усмотрив время, пожем моим в бумагу вместо челобитной, убив его, заколол, и обиду мою с великою радостию отомстил есмь». Повеле же салтан того измысленного безумного коньми волочить по Цареграду, да же умре, по сем на крюк повесити.

Удивлялся^с потом и часто помышлял салтан о сем астрологе, и о умении его. Прилучися паки, что ехал морем из единого доброзрачного вертограда, который есть к Черному морю во Азии. Повеле судно припустить к берегу ко овому астрологу и вертограду, иде же пребывает.

а. 189 Приехав же тамо, повеле || призвати его к себе. Он же изшел, но лицом смущенным. Рече к нему салтан: «Узнах уже правду твою с сожалением моим. Повеждь ныне, аще ли еси видел нечто опасное». Он же отвеща:

^о— В ркп. на полях.

^а На полях пики.

^с Испр.; в ркп. дивлялся, оставлено место для одной буквы.

«Здрав буди во веки салтаново величество, все добро в твоей мочи, и несть ничтоже злобное». Салтан же, видя его яко истинно дражащего, рече со гневом: «Буде доброе или горчайшее, скажи ми, Мустаеддын».

«Аще салтан, государь мой, сотворишь перемирье между гневом своим и душою моею, и аз раб должен буду сказати еже видех».

Рече же салтан к нему: «Душою предков моих и отца моего кленуся, что тебе ничто же учинится имать. Повеждь ми безопасно». Астроолог же к нему глагола: «Множество людей твоих мусульманских, имянно ж великия войска твои, от неприятелей твоих погибнут». И по сем салтан печален отиде. И не прошло двадесяти дней, когда Осман-паша персиды побили под Тиврием, градом стольным персидские земли, яко в то время 80 000 турков погибло, а Осман-паша со остальными людьми уходя, от печали и болезни умре. По сем же салтан зело заскорбе, и смутися сердце его против астролога ||, и через многое время у него не бываше. Потом же помысли еше единожды астролога того посетити, но не заста его. И тогда вопрошаше вертоградаря и адямагдалан, камо отиде. Они же сказали, яко негде пойде прохладатися по винограду. Повеле его искати и не обретоша его. Во утрии же обретше его дверники и к салтану приведоша, зело страхом исполненного. Узрев же его, салтан пригласи его умильными словесы к себе, глаголя к нему: «Не бойся, под клятвою, яже сотворих ти, ничто же зло учинится тебе. Повеждь ми точию, что видел еси». Отвеща астролог с клятвою, яко ничтоже вредително видех. Тогда рече к нему салтан: «Прошу тя, присмотрися прилежно течению небесному, да увеси, долго ли сие государство состоятися может и от какова разорено и погублено имать быти народа».

л. 188 об.

Он же, поклонився ему, рече: «Сотворю салтан-государь, яко повелел ми еси». И отиде. Не истерпев же, салтан, по во третий день в вертоград наки приедс, прилежно вопрошаша у астролога своего о будущем, но он долгое время возбранися сказати, даже упрошением и обещанием обладажен суц, рече по сем сице: «Будь здрав, салтан, государь мой, господь-бог да размножит и сотворит от всякого дня тысящу дней. Ты же в мире по||живеши покамест сам похощеши и победу получиши над всеми неприятельми твоими, и никакой народ тебе и государству твоему страшен не будет, и никто победы над тобою не одержит, доколе в мире сохранишь и перемирье содержишь с единым народом в соседстве, оттуду, от полунощи, идеже восходит колесница небесная. Сей народ от предков своих храбр и славен есть, но ныне зело ленив к войне и не согласен. Однако же народ тот добре счастлив. Сего ради не задержися с ними, аще похощеши в покое сохранить государство свое. Убо как скоро те приобщились бы к людям и к народу себе ближнему, от полунощи к востоку живущему, тогда безо всяких трудов сие государство овладети возмогут».

л. 189

Поехал по сем салтан прочь от него и призвав к себе пашей своих, также и первоначальнейшаго духовнаго своего со иными наученными, извещая им вся сия будущая и мимошедшая вещи и вопрошаша их, что они ведают и разумеют о сем государстве, как долго имать пребывати. Повесть же творили они и толковали Алкоран пророка своего Махмета, показывая, яко до тысящи лет токмо тому государству пребыти. И тако кончину и последнее в году 1591 быти разумели тому государству; в то || время, егда салтан турецкой посылал войско свое з Беглер бегом греком до Сяйтия, о чем, даст бог, пространнее и о иных вещех в латинском писме воспоминаено будет. Астроологовую речь совершаю и глаголю, яко те люди, в бусурманской ереси махметовой наученные, салтану показали, что наука тая, кую персид тот умеет, бесовская есть.

л. 189 об.

«И аще ты, салтан, человека того не изгубишь, тогда сия вся, яже ти рекл есть, делом збытися могут. Но аще ли умрет, тогда и действия его изреченныя уставитися должны и государству сему ничтоже вяще вредитися может. Тогда салтан, абие призвал старейшаго из дверников, повеле ему итти со неколикими, дабы Мустаеддына астролога взяли и, связав, в море его вкинули. Иже, как скоро в вертоград внидоша, абие стрете их веселым лицом, рек:

«Здравствуйте, господа, так тыр улла, то есть, суд божий или пред-
постановление никого же мимо идет. Рыбы морские днесь ми гробом бу-
дут. Народ же полуношный вскоре вами владствовать учнет».

Взяли его по сем и в море между Галатою и Константинополем вкинули и тако утопили. Такову кончину восприял сей славный астролог, его же вертоград и столп, и вся орудия повеле абие салтан разорити и сокрушити, которой по се время пуст стоит.

(ГПБ, собр. Духовной Академии № 302, лл. 184—189 об.)
